

То, что не попало в новости, — не существует

Кирилл Клейменов не согласен, что сейчас «информационное безвременье»

Сергей Варшавчик

Когда известный ведущий уходит с телевидения, всегда интересно понять, что за этим стоит — частный случай или тенденция? Об этом я беседую с бывшим ведущим программы «Время» Кириллом Клейменовым, который на прошлой неделе резко изменил свою жизнь, уйдя работать в «ЛУКОЙЛ».

— Почему ты ушел с телевидения? Ведь про Первый канал среди телевизионщиков ходит шутка, что с него «уходят только ногами вперед»?

— Дело в том, что мне не хотелось вперед ногами уходить с канала, я ушел сам. Не «ушли», а ушел. Для меня это момент принципиально важный.

— Обычно уходят или по причине профнепригодности, или из-за интриг коллег.

— Надеюсь, что насчет профнепригодности — это не ко мне. Что же касается интриг, они, конечно, на телевидении есть всегда, и это меня в такой же мере коснулось, как и всех остальных. Но этот момент я пережил, и поэтому дело, конечно, не в интригах. Это мое решение. Взвешенное, очень непростое, которое вызревало месяцами. Это действительно очень большой риск. Здесь — в общем-то устоявшаяся, довольно успешная карьера. Впереди — новое, неизведанное поле.

— Тебе стало скучно работать на телевидении?

— Мне не стало скучно. Я люблю эту работу и очень хорошо отношусь к людям, с которыми проработал столько времени. Но мне показалось, что предложение, которое я получил, это некий шанс, который еще каким-то образом совместился с мужским понятием «челендж», когда ты принимаешь какой-то вызов для себя. Я понимал, что с годами принимать такие вызовы будет все сложнее. А между тем в жизни должен быть хотя бы один такой вызов.

— Я знаю, ты с большим уважением относишься к Владимиру Познеру, но он, например, не уходил в нефтяные компании, а совершенствовался в профессии.

— Да. Но, видишь ли, у Владимира Владимировича Познера своя судьба, изобилующая разными сложными поворотами. Если вспомнишь, он уезжал из страны, возвращался в страну.

Мне не хотелось вперед ногами уходить с канала, я ушел сам

Я ни в коей мере себя с ним не сравниваю, не равняюсь, просто потому, что я не хочу быть Познером, я хочу быть Кириллом Клейменовым. И надо сказать, если попытаться заглянуть в будущее (что, в общем, достаточно бесполезное дело): я не хочу, когда мне будет столько лет, сколько ему, вести программу «Времена». У всех свой путь. Как профессионала я его очень ценю и считаю, что действительно на сегодняшний день равных ему нет на отечественном телевидении. Но он не уходил с телевидения, а я вот уйду и, может быть, не вернусь обратно вообще. А может быть, вернусь, но уже не в качестве ведущего, а в качестве продюсера серьезного информационного проекта. Почему нет? Я сейчас получаю серьезный опыт, в том числе и менеджерский. К тому же мне всегда было интересно работать с новостями. Но желания работать только в кадре у меня абсолютно нет.

— Тебя не удивило предложение поработать заместителем начальника департамента общественных связей «ЛУКОЙЛа»?

— Меня это не удивило. Потому что до этого некоторое время

Кирилл Клейменов: «Я ощущал себя просто ведущим программы «Время».

Фото Натальи Преображенской (НГ-фото)

назад у меня было предложение от другой, не менее серьезной нефтяной компании. Причем они на меня выходили дважды. Тогда это меня могло удивить, сейчас — нет.

— А зачем вообще крупным нефтяным компаниям известный телеведущий? Ты имеешь большой пиаровский опыт работы?

— Этот вопрос в любом случае нужно адресовать им. Но думаю, что в какой-то момент компания осознала, что им необходимо более динамичный

шлого года, ты снял на деньги «ЛУКОЙЛа».

— Могу совершенно ответственно заявить, что это абсолютная фантазия. Никакого отношения к «ЛУКОЙЛу» этот фильм не имел, и тут даже обсуждать нечего.

— Что тебе сказал генеральный директор Первого канала Константин Эрнст, когда ты заявил, что собираешься уходить?

— Эрнст мне много чего говорил. Мы с ним встречались неоднократно в последнее время. Поначалу очень активно отговаривал от этого шага. Просил не торопиться. Мы договорились, что я дотяну выборы, потому что это самое сложное время в жизни любой телекомпании. В такой ситуации менять ведущего топовой информационной программы чревато многими неприятностями в эфире. В принципе мы расстались, как я полагаю, очень хорошо. Мне в этой ситуации себя упрекнуть вообще не в чем. Я взял на себя очень многие непростые обязательства и все их до единого выполнил. Поэтому мы расстались, пожав друг другу руки, как я надеюсь, без всяких каких-то нехороших задних мыслей. Мне сказали, что я могу возвращаться, если надумаю.

— Помимо тебя Первый канал покинул другой ведущий программы «Время», Игорь Гмыза. А с ним что случилось?

— Лучше всего это спрашивать у самого Игоря. Мне кажется, что у него в последнее время не очень ладилась карьера на Первом канале. Но, если честно, я не следил за его судьбой. И мне кажется, что наши с ним уходы — это не звенья одной цепи. Одно с другим совершенно не связано.

— Ходят слухи, что и Екатерина Андреева собирается уходить...

— Опять таки — вопрос к Кате. Она лицо канала, занимающая абсолютно свое место. Если честно, мне очень сложно представить кого-либо другого на ее месте. Если она кому-то сказала об уходе, то, наверное, просто в запальчивости. Я бы хотел ее по-

прежнему видеть в 9 вечера на Первом канале.

— Может быть, это происходит потому, что телевидение сейчас все больше становится развлекательным, а новости становятся все менее востребованными?

— Да нет. Новости востребованы всегда. Другое дело, что действительно акцент смещается в сторону интертеймента, как сейчас принято говорить, и эти программы набирают высокий рейтинг. Думаю, что и воскресная аналитика сейчас уже не столь интересна, как десять, восемь лет назад. Жизнь поменяла ритм — все происходит не так бурно, гораздо меньше слухов, сплетен, которые питают такие программы. Я имею в виду то, что происходит на самом-самом вершине. Это не значит, что там вообще ничего не происходит. Но просто сейчас достаточно стабильная спокойная жизнь. Мне предлагали вести на канале итоговую программу. Но я совершенно искренне считаю, что ежедневные новости и интереснее, и веселее, и, в общем, для меня они почетнее даже.

— Иными словами, информационное безвременье, когда и анализировать нечего, остается только фиксировать?

— Я бы не сказал, что сейчас информационное безвременье. Я вообще не понимаю этого термина. Я, когда отдыхаю за границей, первым делом всегда смотрю новости, потому что картинка и форма подачи обычно очень красноречивы. Так вот, я совершенно искренне убежден, что смотреть можно только американские новости, ну и, наверное, британские Скай-ньюс и Би-би-си. Все остальное — тоска страшная. И если уж ты наши новости называешь «безвременьем», то для них вообще слова не подобрать. Я понимаю, что причины для этого разные. В какой-нибудь Новой Зеландии жизнь настолько хороша, сыта и спокойна, что машина, сбившая овцу, становится на полном серьезе темой дня в новостях. Но нам, конечно, еще далеко до такого спокойствия.

— Как известно, то, что не показало телевидение, как бы не существует в действительности. И наоборот. Помню, будучи в Германии, смотрел сюжет из России о пьяных... коровах, коих такие же нетрезвые доярки угощали тем, что у них было. Сразу нарисовался соответствующий образ страны.

— Да, то, что не попало в новости, — не существует. Но это закон, придуманный не нами. Правда, зачастую так делаются не столько новости, сколько пропаганда. Вспомни, как мы показывали в советские годы заграничную жизнь? Одни бездомные да безработные. Или когда французский корреспондент уже в Москве выходит делать стэнд-ап о преступности в России на Красную площадь в бронжилете, то он тем самым формирует у своего зрителя совершенно однозначное представление о том, что наша столица — это место, где невозможно появиться на улице без таких экстремальных средств защиты. И это не просто перекося, а совершенно чудовищная идеология чернушности.

— Что же, не надо показывать голодовку шахтеров где-нибудь в Кузбассе?

— Думаю, что голодовку шахтеров надо показывать, потому что это люди, положение которых катастрофично. Они живут рядом с нами, в одной стране, и на самом деле это трагедия, когда люди годами не получают свои заработанные деньги. Но при этом надо разбираться, почему это все происходит. И это было и на государственных каналах, и на частных.

— Знаешь, за последние годы в журналистской среде родился такой термин, как «государственный журналист». Ощущал ли ты себя таковым?

— Поскольку я отношусь к самому себе без пафоса, такими терминами, как «государственный» или «оппозиционный журналист», я не оперировал. Я ощущал себя просто ведущим программы «Время».

— Не давило ли на тебя то обстоятельство, что многие годы «Время» ассоциировалось у советских людей с очередным диктором, со скорбным лицом зачитывающего: «Вчера, на 85-м году жизни...»?

— На меня это никоим образом не давило. Потому что там произошла смена поколений, пришли люди, которые не являлись дикторами, которым никто не ставил голос. Катя прошла через дикторскую службу, я — нет. Меня, например, задевало, когда меня называли диктором, потому что диктор — это другая профессия. Я понимал, что у нас масса каких-то недостатков и недочетов, связанных, конечно, с речью и, может быть, с постановкой голоса, но зато новости мы делали сами. И это было очень-очень здорово.

— А сейчас смотришь программу «Время»?

— Я смотрю сейчас телевизор чуть меньше, потому что некогда. Но смотрю. Хотя я неправильный зритель. Я смотрю не столько содержание программы, сколько то, как этот сюжет снят тем или иным коллегой. Хотя мы не часто с ребятами созваниваемся, но какая-то внутренняя связь существует. Потому что телевидение — это командная игра, несмотря на то что от ведущего очень многое зависит.

— Как тебе на новом месте работает? Интересно?

— Интересно. Новые люди, довольно масштабные задачи, руководство доверяет. Мы предложили уже кое-какие интересные проекты, и некоторые из них уже в стадии реализации. Мне интересно общаться с топ-менеджерами «ЛУКОЙЛа», это довольно быстро думающие люди, у которых можно многому научиться. Разумеется, есть сложности, поскольку новый коллектив.

— А если снова пригласят на телевидение, пойдешь?

— Почему нет? Но для этого надо сначала решить задачи «ЛУКОЙЛа». А там видно будет. ■

295